

228

ГИ ДЕ МОПАССАН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Под общей редакцией
Ю. ДАНИЛИНА и П. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО

ТОМ

III

R 406
29 Сел.

ЖИЗНЬ

РАССКАЗЫ

ВАЛЬДШНЕПА

Государственное Издательство
"ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва • 1938

Пеннона с Мопассаном восходит к их школьным годам в Руанском коллеже. Позднее Пеннон разделял страсть Мопассана к гребному спорту и участвовал в его различных поездках. Чаепитие «Листок наизнанку», он получил прозвище «La Toque» и изображен в «Мушке» под этим именем. Намереваясь стать драматургом, Пеннон писал много пьес в семидесятых годах, и в соавторстве с ним создан «Турецкий дом». Он познакомил Мопассана с Балландом, директором театра Дежазэ, и тем содействовал постановке на сцену мопассановской пьесы «В старые годы». С 1880 года Пеннон вернулся в Руан и начал сотрудничать в местных газетах, а затем сделался одним из работников местной библиотеки, оставаясь на этой работе до конца жизни. Пеннон чрезвычайно ревностно заботился о всем, что имело отношение к памяти Мопассана, собирал его иконографию, различные материалы о нем и оказал громадную помощь Альберту Люмброзо в уточнении данных его книги. Пеннон написал в 1892 году личные воспоминания о Мопассане, перепечатанные в книге Люмброзо.

По указанию Шарля Лапьерра, тема этой повеллы была дана Мопассану самим Пенноном, нередко снабжавшим своего друга различными сюжетами (Lumbroso, 612).

ПЕРВЫЙ РОМАН МОПАССАНА

В одном из писем Мопассана семидесятых годов, предположительно относимом биографами к 1877 году, писатель сообщает матери, что «много работает над своим романом».

Скудное количество сохранившихся данных о жизни Мопассана вообще и особенно о творческой истории его произведений до последнего времени не позволяет исследователям определить, какое из своих произведений здесь имел в виду писатель. «О каком романе говорится? — пишет Мениаль. — Очевидно это не может быть «Пышка», так как это рассказ и написан он был в несколько месяцев между 1879 и 1880 годами. Мало вероятно также, что дело идет о «Жизни», напечатанной пять лет спустя. Вернее всего, что этот роман был им оставлен для других работ. Как бы то ни было, Мопассан показывал его план Флоберу, который объявил, что он от него «в восторге»¹.

Утверждение Мениаля соответствует осторожности этого исследователя и неопределенности самого вопроса. Однако в настоящее время часть французской критики приходит к выводу, что в письме 1877 года Мопассан говорил о работе над «Жизнью», первом из своих напечатанных романов. Впервые эта мысль высказана биографом Мопассана Пьером Борелем; приводя фразу из письма Мопассана к Флоберу от 10 декабря 1877 года: «Я составил также план романа, который начну, как только кончу драму», — Борель заявляет: «Мопассан, без сомнения, говорил о «Жизни», которая должна была быть опубликована пять лет спустя»².

Слова Пьера Бореля приобретают значительный вес благодаря тому обстоятельству, что две свои книги о Мопассане он написал, пользуясь указаниями и советами Леона Фонтэна, «Спячка», одного из друзей юности Мопассана, надолго его пережившего. Близость Леона Фонтэна к Мопассану относилась особенно к концу семидесятых годов, и «Спячок» был достаточно осведомлен о литературных замыслах своего компаньона по лодке.

¹ E. Maynial — La vie et l'oeuvre de Guy de Maupassant, P. 1907, p. 152.

² Lettres inédites de Maupassant à Flaubert, publiées par Pierre Borel, P. 1929, p. 32.

Не столь определена позиция последнего исследователя Мопассана, критика Рене Дюмениля. В своей монографии о Мопассане, изданной в 1933 году, он пишет, что «Жизнь», «ведущая к работе над которым приступил в 1877 году»¹. Однако во вступительной статье к «Жизни» в издании 1935 года Дюмениль уже меняет позицию, заявляя, что «Жизнь» — это частичное осуществление замысла 1877 года: «Но план 1877 года привел в восторг Флобера, и очень вероятно, что кое-что от него имеется в романе 1883 года»².

Исследовательская работа над Мопассаном на Западе находится еще в эмбриональном состоянии. До сих пор не издано полностью все наследие писателя, не собраны его газетные статьи, письма, не изучены и не описаны рукописи, не обследованы черновики и записные книжки и т. д. Частью — а может быть, и в большей части — эти материалы разбрелись по рукам отдельных лиц: наследников, любителей, коллекционеров. Все это создает огромные затруднения для исследователей, заставляет их робеть, высказываться неуверенно и нерешительно.

Таким образом, позиция современной французской критики в рассматриваемом вопросе определяется, с одной стороны, категорическим, но не подкрепленным развернутой аргументацией, заявлением Пьера Бореля, а с другой стороны — перешептыванием Рене Дюмениля. Трудно сказать, кто из них более прав, но важно, что в обоих случаях критики идут к сближению «Жизни» с замыслом 1877 года. И путь этот несомненно правилен.

Чтобы Мопассан окончательно бросил начатый роман 1877 года для других работ — в это трудно поверить. Нужно помнить о том поистине огромном шквале, который Мопассан испытывал по отношению к Флоберу; во имя одного этого он не только мог, но должен был реализовать то одобренное его великим учителем произведение, работать над которым Флобер его как раз побуждал, запрашивая в письме от 15 августа 1878 года: «А как роман, от плана которого я пришел в восторг?» Мопассан, конечно, мог временно отойти от этой работы для писания других своих произведений. В письме к Флоберу от 13 января 1879 г. он сообщает: «Я все больше и больше расстаюсь с моим бедным романом: боюсь, как бы не была перерезана пуговина». Но после смерти Флобера он должен был вернуться к этому замыслу. Вдобавок «Жизнь» создавалась в обстановке близости с г-жою Брэнн, у которой Флобер при жизни и после смерти пользовался настоящим культом.

Изучение новеллистики Мопассана, напечатанной в газетах за 1880—1883 года, приводит нас к выводу, что Мопассан все

¹ René Dumesnil — Guy de Maupassant, 1933, p. 187.

² Oeuvres complètes illustrées de Guy de Maupassant, t. X, P. 1935, p. 1.

это время продолжал работать над своим первым романом. Дело в том, что среди указанной новеллистики видное место занимает круг произведений, кровно связанных с «Жизнью». К сожалению, пока не установлено, когда были написаны эти новеллы; случилось ведь, что некоторые свои вещи Мопассан печатал не тотчас по окончании их. А это обстоятельство могло бы связать часть напечатанной новеллистики 1880—1883 годов с работой Мопассана в конце семидесятых годов и дать возможность более ясно представить себе продолжительность его работы над «Жизнью».

Круг произведений, связанных с «Жизнью», нельзя рассматривать так узко, как это делает французская критика, ограничиваясь перечислением четырех или пяти новелл, повторяющих отдельные сюжетные положения «Жизни». Вопрос стоит гораздо шире. Во втором периоде творчества Мопассана (1880—1885), еще изобилующем настроениями жизнерадостными, круг произведений, связанных с «Жизнью», и в первую очередь сам этот роман представляют собою средоточие пессимистических мотивов, гамма которых весьма богата и многообразна.

Основная тема «Жизни» — тема разочарования. Она встречается в очень многих новеллах 1880—1883 годов, но она настолько широко, полно и всеохватывающе разработана в «Жизни», что указанные отдельные новеллы производят впечатление вещей, которые автор первоначально предполагал включить в свой роман. Так оно, вероятно, и было. Это новеллы: «Парижское приключение», «Исповедь женщины» и др.; к их числу, но по другим мотивам — о них ниже — можно, быть может, отнести и новеллу «Человек, кружку пива!»

В «Жизни» с темой разочарования связан целый ряд родственных мотивов, точно также богато повторяющихся в новеллистике 1880—1883 годов: мотив крушения иллюзий («Ивелин Саморис», «Менуэт» и др.), тягостных открытий («Исповедь», «Завещание», «Мальш» и др.), внезапных бедствий («Верхом», «Приятель Жозеф» и др.), страданий, доставляемых утонченным натурам мелкими будничными невзгодами, грубостью, однообразием и пошлостью жизни («Прощение», «Самоубийцы» и др.) и т. д.

Весь круг пессимистических мотивов «Жизни» связан с образом страдающей женщины. Неслучайно то обстоятельство, что героиней «Жизни» является аристократка. Мопассан прекрасно видел процесс разорения и гибели старого помещичьего дворянства. Он понимал, что гибель класса не могла не накладываться своего отпечатка на психику его представителей, подавляя их, трагически обостряя их чувствительность, утонченность, вскрывая в болезненном изломе их богатую духовную культуру. Тот же образ страдающей женщины-дворянки мы встречаем в новеллах: «Завещание», «Вдова», «Помешанная» и др. Но к чести своей, как художника-реалиста, Мопассан признавал и за женщинами из других классов право на утонченность и духовную культуру; таковы новеллы: «Плетельница стульев», «Госпожа Баптист»,

«Прощение» (а также очень многие произведения, напечатанные после 1883 года).

Но Мопассан вскрывает и другой немаловажный источник страданий Жанны, обусловленный столкновением широкой и терпимой морали века просвещения — с узким, грубым и нетерпимым фанатизмом попов или кастово-одичавшего дворянства XIX века. Ознакомление с повестью «Советы бабушки» не может не привести к совершенно твердому убеждению, что эта повесть по первоначальному плану должна была войти в состав романа. Эта повесть, разрабатывающая тему прогнившего человека XVIII века над безобразной, уродливой моралью его потомков, была напечатана в «Голуа» еще 13 сентября 1880 года. Если учесть, что «Пышка» (то есть сборник «Вечера в Медане») вышел в свет 17 апреля 1880 года, положив начало известности Мопассана и обусловив его приглашение к сотрудничеству в «Голуа», то после печатания в этой газете в мае — августе «Воскресший парижского буржуа», вещи несомненно новой и написанной по специальной договоренности с газетой, Мопассан может затем дать только повесть, целиком связанную с кругом идейных замыслов «Жизни». Вот лишнее свидетельство того, что работа над романом им велась до «Воскресший» и до «Пышки», но была прерываема для этих произведений.

Чтобы закончить с кругом «Жизни», остановимся на тех трех повестях, обычно упоминаемых французской критикой и повторяющих некоторые сюжетные положения романа: это — «Весенним вечером» (повторение эпизода о тете Лизон из IV главы романа), «Ночное бдение» (эпизод с письмами из IX главы), «Прыжок пастуха» (эпизод с падением пастушьей хижинки из X главы). Можно дополнить этот скудный список, указав, что ряд отдельных мелких эпизодов романа повторяется и в повестях «Старые вещи», «Кровать», «Первый снег», «Смиренная драма», «Приданое» и др.; не говорим уже об изображении Нормандии и нормандского поместного дворянства, встречающемся во множестве произведений Мопассана.

Наблюдение о сходстве сюжетных положений нескольких повестей и «Жизни» позволяет иным французским критикам заняться задачей столь же замысловатой, сколь и бесплодной, — попыткой доказать, что «Жизнь» Мопассана, как и все другие его романы, в сущности, вовсе не роман. «Романы Мопассана, — пишет Лаказ-Дютье, — это только сюита повестей, связанных господствующей идеей»¹. Ту же мысль, но осторожнее и применительно только к «Жизни» высказывает П. Мартино, считающий, что этот роман «сделан в действительности из серии повестей, многие из которых были напечатаны гораздо раньше и снова переписаны для романа или же просто переделаны»².

¹ Gerard de Lacaze Duthiers — Guy de Maupassant, P. 1926, p. 34.

² P. Martino — Le naturaliste français, P. 1923, p. 130.

К счастью, большинство французских критиков не отказывает Мопассану в праве писать романы наряду с повестями. Ошибка же двух упомянутых критиков состоит в игнорировании следующего замечания Поля Бурже об особенностях творческого процесса Мопассана. Бурже пишет: «Мопассан дал «Жизнь Блазу» под псевдонимом Мюфриньез один из тех коротких и трагических рассказов, которые он так хорошо умел писать. Когда я сделал ему комплимент, он ответил: «Вам это понравилось?.. А между тем, это лишь набросок... Да, — продолжал он, — такова уж моя привычка, что когда я работаю над большим романом, я стараюсь дать для хроник (Мопассан долгое время сотрудничал в газетах как автор «хроник» — очерков, статей и т. д. — Ю. Д.) первый эскиз, еще в общих чертах, того или другого эпизода. Я переделываю их по два, по три и даже по четыре раза. Только после этого я снова берусь за эту вещь для большой книги». Такой метод работы, применяемый постоянно и неизменно, позволил ему отточить свое перо на этих набросках, где многие, наоборот, притупляют свои перья. И так же, как в работе над каждой хроникой он видел возможность лучше познать свое мастерство романиста, так и каждый новый роман был для него поводом к дальнейшему расширению своего знания техники»¹.

Критиками Мопассана часто также высказывалось замечание, что его «Жизнь» написана под влиянием повести Флобера «Простая душа». Это наблюдение — по поводу которого можно было бы сказать, что на Мопассана влияло и все вообще творчество Флобера — приводило, однако, некоторых критиков к неверной мысли, что «Жизнь» — это не роман, а всего только «длинная повесть».

Нет, «Жизнь», конечно, роман, но роман того особого типа, в котором снова и снова сказались влияния Флобера. В вышеуказанном письме к матери 1877 года, сообщая о работе над романом, Мопассан добавлял: «Но это очень трудно особенно из-за необходимости расположить все на своем месте и из-за переходов». Подчеркнем это слово «переходы». В письме от 2 декабря 1878 года Мопассан писал Флоберу, что недоволен «Нана», чтение которой он слышал у Золя: «Вместо того, чтобы вести действие прямо от начала до конца, он (Золя. — Ю. Д.) подразделил ее, как в «Набобе» (роман Додэ. — Ю. Д.), на главы, образующие настоящие акты, так как действие в них происходит в одном месте и содержит в себе только один факт; таким образом, он избегает всякого рода переходов, что, конечно, гораздо легче».

Флобер отлично понимал, на что жалуется Мопассан. В художественном отношении флюберовская манера письма несомненно гораздо сложнее и труднее манеры Золя. Это признавал и сам Золя. Вот что писал он по этому поводу, говоря о «Воспитании чувств» Флобера: «Самый план книги требовал с его стороны особых усилий. Гюстав Флобер желал изгнать

¹ Paul Bourget — Sociologie et littérature, P. 1906, p. 312—313.

всякий искусственный романтический вымысел, воссоздавал действительную, повседневную жизнь — эти тысячи мелких будничных явлений, из совокупности которых в конце концов возникает запутанная и страшная житейская драма. Здесь нет искусно обдуманых эпизодов, напротив, замечается какая-то разрозненность; события идут и переплетаются между собою, лица появляются на сцене, потом исчезают, вновь появляются и, наконец, уходит, сказав свое последнее слово, — как будто перед вами теснятся по тротуару толпы прохожих. Замысел удивительно смелый и оригинальный, едва ли это не самая замечательная попытка в нашей литературе, не могущей вообще пожаловаться на недостаток смелости¹.

То, что говорит Золя о Флобере, целиком применимо к «Жизни» Мопассана. Принцип построения романа совершенно флюберовский. Никакой актювости Золя, над которой проиризировал Мопассан. В этих условиях те «переходы», о которых выше шла речь, то есть незаметность и органичность соединения отдельных кусков романа, плавность и даже некоторая, может быть намеренная, монотонность повествования — являлись центральной художественной задачей, адекватной формой однообразному незаметному существованию Жанны и постоянному, монотонному чередованию в романе моментов рождения иллюзии, крушения ее, появления новой иллюзии, нового крушения ее и т. д.

Манера Мопассана не осталась неизменной на протяжении одиннадцати лет его зрелого творчества. К концу жизни он отошел от многих заветов Флобера, но в «Жизни» все требования его учителя воплощены полностью. Роман неизбежно долго должен был писаться, потому что Мопассан тщательно следовал здесь правилу Флобера о выборе точных слов — одного слова для обозначения вещи, одного прилагательного для ее определения, одного глагола для выражения действия; от этого правила, безусловно крайне трудного и не позволяющего художнику пользоваться своим «опытом», то есть кругом составившихся творческих штампов, Мопассан также впоследствии отошел.

Все изложенное позволяет считать, что если «Жизнь», может быть, и не представляет собою точной реализации плана, восхитившего Флобера и остающегося нам неизвестным, то, во всяком случае, в ней наличествует многое как от этого плана, так и от тех художественных требований своего учителя, которым Мопассан на первых шагах своего зрелого писательства хранил особенную верность. Над этим романом Мопассан работал много лет, начиная, может быть, с самого 1877 года. Возможно, что первоначальный замысел романа несколько изменился в процессе работы и многие его эпизоды (вроде «Советов бабушки») отпали. Последующее, более обстоятельное изучение творчества Мопассана, вероятно, позволит полнее выяснить

¹ Цит. по изданию Э. Золя — Полное собрание сочинений, том 46. «Романисты-натуралисты», кн. 1, Киев 1904, стр. 121.

замысел «Жизни», и круг повелл 1880—1883 годов, связанных с этим романом, может быть, еще более расширится.

Каковы источники романа «Жизнь»?

И на этот вопрос французская критика не может пока дать ясного ответа. Мешаль бросает такую интригующую фразу: «В настоящее время известно, что есть действительно верного в трагической простоте этого романа, и эпитафия книги «скромная истина» мог бы быть строго доказан» (Maupial, 131). Увы, если это и известно французским критикам в их кулуарных беседах, то широкий читатель остается в данном вопросе совершенно не ориентированным.

В мемуарах Франсуа Тассара, слуги Мопассана, приведены следующие слова писателя: «Когда появилась «Жизнь», критика, эта болтливая особа, которая часто пытается развенчать шедевр потому только, что не поняла его, не находила достаточно сильных слов, чтобы кричать, что мой роман не жизненен, что сообщенные в нем факты невозможны. И что же? Изложенные в этой книге факты имели место в Фонтенебло, и печатный отчет (récit imprimé) о них лежит у меня на письменном столе. Если я и могу о чем-либо пожалеть, так лишь о том, что слишком рано написал мою книгу, потому что в действительности все произошло гораздо определеннее и гораздо полнее, чем в моем романе»¹.

Эти «события в Фонтенебло», этот точно указанный источник романа, видимо, остается неизвестным Рене Дюменилью. Высказывания последнего по поводу источников «Жизни» не уясняют вопроса. Дюмениль пишет: «Если правда, как это часто утверждали, что в «Жизни» не мало от автобиографии, то последнюю надо искать главным образом в деталях книги, в описаниях, пейзажах, в чертах нравов, подмеченных автором вокруг себя, а затем использованных при расположении сцен и разработке характеров. Несомненно, с другой стороны, что замок Грэнвиль-Имовиль, где поселились Мопассаны четыре года спустя после рождения Ги (и где родился Эрве в апреле 1856 г.), точно описан в «Жизни». Несомненно также, что вся местность, прилегающая к Этрета, встречается в романе вместе со своими жителями, такими, как их Мопассан знал в детстве. Столь же несомненно, что расхождение во взглядах его родителей, чему он был очень часто свидетелем (см. раздражающую новеллу «Человек, кружку пива!», написанную в тот момент, когда Мопассан работал над «Жизнью», и являющуюся, может быть, невключенным в нее эпизодом), оставили в его памяти печальные воспоминания, неиспользованные в книге и придающие этим страницам их акцент *скромной истины*»².

¹ Souvenirs sur Guy de Maupassant, par François, son valet de chambre, P. 1911, p. 94.

² Oeuvres complètes illustrées de Guy de Maupassant, t. X, P. 1935, p. I.

Таково современное состояние вопроса об источниках «Жизни». Не имея возможности разрешить его самостоятельно, отметим только, что, говоря о «событиях в Фонтенебло», Мопассан совершенно не имел в виду ничего автобиографического по той причине, что его семья никогда в Фонтенебло не жила, а также потому, что пелажы его отца и матери ни в каком «печатном отчете» не отразились. Более того, Мопассан указал, что описанные им события еще не завершились в реальной действительности ко времени окончания романа. Отсюда очевидно, что Рене Дюмениль с его осторожностью, но все-таки явной акцентировкой одной «автобиографичности» романа стоит на неверной дороге и игнорирует указание самого Мопассана ради историко-литературных сплетен.

Успех «Жизни» был весьма велик и окончательно упрочил положение Мопассана в литературе. Несмотря на наступивший период торгового кризиса, издатель Авар за восемь месяцев продал восемь тысяч экземпляров романа. В начале 1884 года продавалась уже двадцать пять тысяч. Роман был переведен сначала на английский язык, а затем и на другие языки.

Основывался на «Пышке», а затем на сборниках «Заведение Телье» и «Мадмуазель Фифи», французская критика начала восьмидесятых годов довольно безосновательно зачислила Мопассана в ряды натуралистов, в «хвост Золя». Зато в «Жизни» критика увидела первую попытку Мопассана уйти от натурализма и приветствовала это намерение.

Часть критиков, писавших о «Жизни», принадлежала к друзьям Мопассана. Так, например, Поль Алексис посвятил роману рецензию в «Le Reveil» (15/IV 1883). «Это сама жизнь, — писал он. — Это те события, которые совершаются ежедневно и повсеместно. И однако они трогают вас в силу своей человечности. Все женщины будут считать, что они в большей или меньшей степени были Жанной, они обретут здесь снова свои собственные эмоции и будут особенно растроганы... Пышнее здоровье, горячий стиль, мускулистая и веская фраза, крепкие мышцы атлета — я узнаю здесь Мопассана целиком».

21 апреля 1883 года в «Revue bleue» появилась рецензия Максима Гоше, представителя той части буржуазной критики, которая считала, что Мопассан отходит от натурализма. Гоше писал: «Г-н Ги де Мопассан поместил в начале своего последнего романа «Жизнь» такой эпиграф: «Скромная истина». Скромная — это уже прогресс. Истина — не правда ли? — куда менее скромна в «Заведении Телье»».

Но часть буржуазной критики продолжала оставаться недовольной романом. Она не верила в то, что Мопассан перестал быть натуралистом, а также была и против критического реализма. Она нападала на Мопассана за его пессимизм. Так, например, автор анонимной рецензии в «Le Temps» писал 13 мая 1883 года: «Почему его картина так сильно окрашена в черные тона? Этот-то именно пессимизм и помешал Флоберу перемениться, и он-то и наделил Золя психологическим бессилием». А позднее Брюнетьер, известный противник натурализ-

ма, писал о «Жизни» в «Revue de Deux Mondes» от 1 августа 1884 года: «Г-н де Мопассан обладает всеми недостатками, которые предписываются натуралистической эстетикой, но у него имеются также и многие качества, редкие для этой школы. Так — я едва осмеливаюсь поздравить его с этим — у него встречаются кое-какие следы чувствительности, симпатии, волнения: в «Папе Симона»... в «Жизни»... Как и Флоберу, ему постоянно нехватает вкуса и чувства меры. Не будь этого, не будь нескольких страниц, написанных точно на пари, «Жизнь» была бы почти что замечательным произведением. Это, без сомнения, очень простая и очень банальная история, она легко читается и, желая говорить о ней, я смог перечислить ее без скуки».

Оценивая первый роман Мопассана в плане своей борьбы справа против натурализма, буржуазная французская критика больше была занята вопросом о том, перестал ли Мопассан тяготеть к «хвосту Золя», чем настоящей оценкой этого романа. И для нее пропали многие достоинства, основные и огромные достоинства этого произведения, которое Лев Толстой считал «превосходным романом, не только несравненно лучшим романом Мопассана, но едва ли не лучшим французским романом после «Misérables» Гюго».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖИЗНЬ

Перевод А. Н. Чеботаревской

Жизнь 5

РАССКАЗЫ ВАЛЬДШЕНА

Перевод А. Н. Чеботаревской

Вальдшен	227
Эта свиья Морен	230
Помешанная	243
Шьеро	247
Менуэт	253 ✓
Страх	258 ✓
Нормандская шутка	265
Сабо	270
Плетельница стульев	276
На море	283
Нормандец	289
Завещание	296
В полях	302
Петух проел	309 ✓
Сын	314
«Святой Антоний»	325
Приключение Вальтера Шнафса	333 ✓

ПРИЛОЖЕНИЕ

Введение к повелле «Сабо», <i>Пер. А. Н. Чеботаревской</i>	342
--	-----

КОММЕНТАРИИ

Ю. Данилин

Примечания к отдельным произведениям	344
Первый роман Мопассана	353